сообщества. Стоит согласиться с тем, что «объектом мониторинга должны выступать не только межнациональные отношения, но более широко – этносоциальная ситуация, локализованная в рамках конкретного межэтнического сообщества»[1]. Значимой составляющей мониторинга является учет комплекса социальных, культурных и личностных компонент жизни межэтнического сообщества в мегаполисе. Такой подход позволяет отслеживать основные тенденции социокультурной трансформации указанного сообщества, интеграционные и дезинтеграционные процессы, протекающие в мегаполисе, и своевременно принимать управленческие решения в рамках реализации национальной политики на муниципальном уровне.

§ 6. Пространственно-территориальный ракурс состояния межэтнических отношений в городском сообществе

Пространственные характеристики городского межэтнического сообщества. Современная картина этнической структуры любого городского сообщества претерпевает неизбежные изменения в связи с увеличением мобильности населения, освоением территории различными этническими группами, что неминуемо сказывается на состоянии межэтнических отношений в территориальных сообществах. В настоящее время их состоянию в нашей стране уделяется особое внимание. Об этом свидетельствуют и наличие Стратегии государственной национальной политики РФ, и создание ключевой структуры по данному направлению в системе исполнительной власти – Федерального агентства по делам национальностей, и наделение власти на местах соответствующими полномочиями и ответственностью за состояние межэтнических отношений. Существующие установки в сфере национальной политики находят подкрепление в виде Федеральной целевой программы, направленной на укрепление национального единства и этнокультурное развитие, а также Государственной программы реализации национальной политики. Все это делает актуальным не только социокультурный, но и пространственно-территориальный мониторинг межэтнических отношений, поиск адекватных ему инструментов. Сегодня он значим

[1] *Попков Ю.В., Костюк В.Г.* Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 158.

и в исследовательском, и в прикладном управленческом плане. Понимание пространственного расселения миграционных и этнических групп, их совмещение с пространственной мобильностью населения города и пространственным распределением социальной нагрузки, а также специфика пространственных образов территории позволяют выделить значимые ресурсы для взаимной адаптации приезжего и местного населения, прогнозировать зоны напряжения в межэтнических отношениях в городской среде.

Важное значение в решении обозначенных проблем принадлежит методу социального картирования. В процессе картирования может отображаться определенное пространство и его значимые объекты, возможно и последовательное и всестороннее описание или изображение какого-то процесса или явления[1]. Имеет значение общее распределение и взаимное расположение в выделенных границах изучаемых объектов относительно друг друга. Не случайно его использование сопровождается такими характеристиками, как «локализация и взаиморасположение», «определение положения относительно…», «распределение в пространстве или объекте», «естественное распространение в пространстве» и т. д. При этом в результате картирования мы получаем собственно карты, которые представляют собой скорее эскиз, рисунок, схему и описание определенного пространства.

С целью оценки межэтнической ситуации и выявления очагов межэтнической напряженности в Новосибирске в 2014 и 2016 гг. при проведении групповых интервью были использованы методы социального картирования. Информанты строили карты с координатной основой (масштабные) и эскизные карты.

Почему для решения этой задачи был выбран метод группового социального картирования в двух своих вариантах?

Во-первых, масштабное социальное картирование как произвольное изображение экспертами на карте районов может использоваться как инструмент пространственного распределения информации в ситуации отсутствия статистических данных о расселении.

Во-вторых, метод позволяет аккумулировать не только собственно пространственные данные через сведения, имеющиеся у информантов, но и их взгляд на ситуацию, проблемы, препятствия и ресурсы для ее преодоления. За счет коммуникации различных специалистов он спо-

[1] *Вавилина Н. Д., Скалабан И. А.* Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Сибпринт, 2015.

собствует предотвращению и противостоянию развивающихся негативных тенденций.

В третьих, эскизные карты помогают раскрыть смыслы, связанные с территорией представителей тех или иных сообществ, лучше понять основания как для сотрудничества, так и для напряжений и конфликтов.

В случае масштабного картирования эксперты наносили условные обозначения (места локализации мигрантов и этнических групп, ухудшение / улучшение ситуации межэтнических отношений, зоны напряженности и пр.) и отмечали границы проживания и сосредоточения трудовых ресурсов на территории конкретного района на масштабированную карту данного района или округа. В случае эскизного картирования информанты самостоятельно рисовали границы своего района и наносили на карту объекты социальной инфраструктуры, основные места дислокации местных жителей и приезжих, также используя условные обозначения в виде меток на этой карте.

Результаты, полученные с помощью методов масштабного совместного картирования, указывают на неравномерность расселения на территории мигрантов и новых этнических групп. Наблюдается их преимущественно периферийное проживание с тенденцией тяготения к крупным рынкам регионального значения, что проявляется в двух стратегиях: во-первых, территориального рассеяния, которая позволяет постепенно осваивать новые микрорайоны, расположенные ближе к центру города; во-вторых, концентрации на определенных территориях, что создает условия для постепенной анклавизации.

По мнению экспертов, их процентное количество в микрорайонах носит поступательный характер, непрерывно увеличивается и имеет место тенденция к расширению границ и увеличению плотности этнического расселения от окраинных рынков к центру.

Основные ареалы расселения мигрантов – это частный сектор с тенденцией к освоению старых дачных массивов и новые окраинные микрорайоны социального жилья. В первом случае растет закрытость новых сообществ и возникает опасность сохранения инклюзированности этнических групп и даже их маргинализации вне зависимости от уровня жизни ее членов. В последнем случае возрастает риск конфликтности, так как в новых микрорайонах мигранты сталкиваются прежде всего с представителями молодого активного среднего класса, способными к самоорганизации и социальной мобилизации.

Компактное расселение и, как следствие этого, напряженная ситуация в отношениях местных и мигрантов из Средней Азии наблюдаются в районе Хилокского рынка. Трансформируется характер застройки данной территории. На месте частных домой появляется все больше «общежитий» для приезжих, изменяется образ жизни как приезжего, так и местного населения. Так если местных жителей тревожит, то, что «*они просто встали полноправными хозяевами, так как работают на рынке и живут там. И поэтому они пытаются уже как-то притеснять русскоязычное население. Разводят нас уже, как, можно сказать, скотоферму, производят забой баранов, продают мясо*». В свою очередь, по мере ухода с этих территорий части активного местного населения стала расти и тревожность среди мигрантов, которые все больше сталкиваются с маргинализированным местным населением (рис. 7).

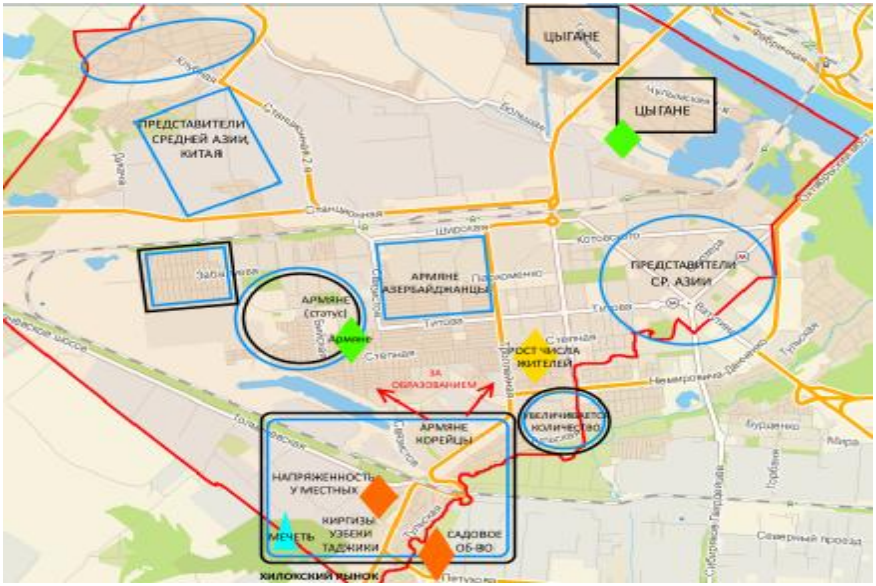

Рис. 7. Карта преимущественного распределения этнических групп в одном из районов г. Новосибирска, составленная с участием экспертов в процессе фокус-группы. Линиями выделены места концентрации разных этнических групп. Ромбами внизу обозначены территории вокруг Хилокского рынка

Позиции экспертов отражают несколько парадоксальную ситуацию: отмечается улучшение общественного порядка в целом на территории, в том числе в аспекте открытой межэтнической напряженности и кон-

фликтности, но одновременно обращают внимание на ухудшение социальной и психологической ситуации в межэтнической сфере, касающейся нарастания ощущения беспомощности и незащищенности, снижения уровня безопасности и справедливости в распределении благ.

Компактное расселение представителей различных, ранее малоизвестных в городе этнических групп свойственно и езидам, хотя уровень жизни этого сообщества значительно выше, чем выходцев из Средней Азии (рис. 8).

Рис. 8. Карта преимущественного распределения этнических групп в одном из районов г. Новосибирска. Указаны места компактного расселения этнических групп, включая трудовых мигрантов. Пунктирными линиями указываются территории, где в настоящее время увеличивается число проживающих трудовых мигрантов. Тенденция освоения новых пространств движется в сторону центра и крупнейшей в Новосибирске мечети. В правом верхнем углу карты отмечено место проживания маргинализированных мигрантов, «выдавленных» социальными обстоятельствами за черту города. Ромбом отмечены территории частного сектора, где плотность проживания и межэтническая напряженность особенно высока

Вместе с тем карты позволяют обратить внимание и на обратный процесс: ослабление напряженности в отношении ряда этнических сообществ, длительное время относительно компактно проживающих в Новосибирске (см. рис. 7). Последнее связано с привыканием к соседству с выходцами из республик Кавказа, проживающих здесь уже более

пятнадцати лет, а в отношении ряда цыганских сообществ – с активностью правоохранительных структур, способствующих их декриминализации. Это вполне отражает позицию, высказанную еще П. Сорокиным: «Из всех связей, которые объединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов»[1].

Проблема межэтнических отношений воспринимается как проблема только в тех районах, где этническая нагрузка носит наиболее выраженный характер. Данные свидетельствуют, что адекватное знание ситуации на своей территории понижает напряжение. Это подтверждают и комментарии информантов. Оценивая ситуацию в городе, они апеллируют к СМИ и интернет-информации: «*Где-то у нас в районе гораздо более спокойно, ну в городе это балл повыше, потому что очень часто читаешь в НГСе* (городской сайт), *что бывают столкновения, по телевизору показывают, и драки*».

Данные исследований показали необходимость проведения более углубленной работы на местах, реализации продуманных механизмов гармонизации межнациональных отношений, организации работы по профилактике экстремистских проявлений, организации обучающих мероприятий для представителей органов власти и структур гражданского общества, способных влиять на состояние межэтнических отношений в конкретном социально-территориальном сообществе. Необходимо усиление идеологической работы в сфере межнационального и межконфессионального взаимодействия. Нужно формировать продуктивные представления, в общественном мнении должны быть широко представлены факты позитивного межэтнического взаимодействия и сотрудничества.

Отсутствие конфликтов в межнациональных отношениях, как правило, достигается обеспечением одинаковых условий для фактического равноправия всех без исключения этнических групп, проживающих на той или иной территории, и развития их национальных культур и традиций. Только поддержание этнокультурной стабильности и взаимной лояльности может обеспечить продуктивное развитие того или иного территориального сообщества. Особенно сложной является задача формирования взаимной межэтнической лояльности групп, обычно прожи-

[1] *Сорокин П.* Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 210.

вающих в непосредственной близости и каждодневно сталкивающихся в самых различных сферах.

Опыт социального картирования показал, что карта становится информативной только тогда, когда она создается жителями при участии внешних модераторов – «третьей стороны», независимой от местных органов власти. Позиция исследователей как «любопытствующих», просящих рассказать и объяснить, что происходит, ставит жителей сначала в позицию экспертов по своей территории, а затем и ответственных за ее дальнейшее развитие.

Стоит обратить внимание на то, что в каком бы варианте не использовалась социальная карта, она должна соответствовать непременным требованиям к ее визуализации. Если требования к карте будут соблюдены (читабельность, надежность, открытость для изменений), социальная карта в сочетании с другими методами может стать действенным и гибким инструментом анализа и воздействия на социально-территориальное пространство.

Образ территории как источник изучения межэтнических сообществ города. Опыт исследования субъективного восприятия пространства жизни. Важным признаком формирования как локальных межэтнических сообществ, так и городского межэтнического сообщества в целом является принятие жителями дискурса этничности. Если этничность как компонент «пространства жизни» является для местных жителей естественной частью их локального или городского пейзажа, то можно говорить о сформировавшемся в городе межэтническом сообществе; если фактор этничности носит скорее негативно-проблемный характер, то целесообразно вести речь о ранних фазах формирования такого сообщества. Одним из инструментов этого может стать эскизное социальное картирование, направленное на реконструкцию образа близкого для индивидов социально-территориального пространства. В этом случае территориальное пространство изображается информантами произвольно, по памяти, с чистого листа, что расширяет основания для анализа. Картографические обозначения вводятся по договоренности между участниками при помощи специалиста-исследователя или проектировщика. В данном случае исследователи привлекают информацию интерпретативного характера, представляющую собой уникальный, конструируемый группой в ходе создания карты взгляд на территорию, сообщество и межэтнические отношения.

Исследование образов того или иного объекта сегодня является частью пространственных исследований, особенно в их постмодернистском варианте.

Остановимся на анализе социальных эскизных карт и сопутствующего им обсуждения по нескольким параметрам, которые могут иметь значимость для анализа образа территории в контексте этничности.

1. Вообразимость (К. Линч, М. де Сорето, А. Лефевр), представимость (С. Милграм) пространства, ее границы и информационная плотность. Важно понять, что «держит» пространство и составляет его устойчивое символическое ядро, вокруг которого организуется поселение и весь район, присутствуют ли иконические образы[1].

2. Опыт места. Насколько освоено публичное общественное пространство и связано ли оно с личными позитивными и негативными практиками участников картирования?

3. Групповость[2]. Осознание себя как группы по отношению к «другим». Отождествление участников сессии с местным локализованным сообществом.

4. Отождествление с местом. Чувство существования дома. Идентификация с домом: «Комфортно, знакомо и действительно мое»[3].

Исследование образа локализованных территорий методом совместного социального картирования было предпринято в г. Новосибирске в 2016 г. – начале 2017 г.

В качестве эмпирического объекта исследования были выбраны несколько локализованных территорий и представителей различных типов сообществ. В каждом случае речь шла о местных жителях, но представляющих разные типы локальных территорий и сообществ с высоким присутствием инокультурных групп.

Микрорайон «Расточка» − старая депрессивная территория с высоким уровнем криминогенности и самобытной архитектурой (флорентийский ренессанс), сформировавшейся в конце 1940-х – начале 1950-х гг., место проживания жителей, исторически связанных с промышленным предприятием «Тяжстанкогидропресс». Участники сессии – активные местные жители, члены территориальных органов общественного само-

---

[1] *Лефевр А.* Другие Парижи // Логос. 2008. № 3. С. 142.

[2] *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 100.

[3] *Бауман З.* Город страхов, город надежд // ЛОГОС. Город. 2008. № 3. С. 24–53.

управления (ТОС), длительное время (от 35 до 70 лет) проживающие на этой территории (рис. 9).

Микрорайон МЖК – спальный микрорайон, динамично застраивающийся, начиная с конца 1980-х гг. В силу продолжающейся активной застройки воспринимается жителями города как новый. Расположен рядом с крупнейшим за Уралом региональным вещевым рынком (до 2015 г.) и размещенными в настоящее время на его месте торговыми центрами. Участники первой сессии – активные местные жители, члены ТОСов (рис. 10); участники второй сессии – местные жители: авторитетные представители киргизской диаспоры (рис. 11).

Район улиц Жуковского и Ереванской – территория частного сектора и малоэтажной застройки, с конца 1980-х гг. прошлого столетия активно заселяемая новой для города этнической группой – езидами. Участники сессии – местные жители, авторитетные представители езидской диаспоры (рис. 12).

Результатом исследования стали представленные ниже карты территорий и сообществ, изображенные участниками сессий картирования. Их анализ осуществлялся в соответствии с выделенными выше основаниями. Для иллюстрации результаты будут показаны выборочно.

Карты показали, что границы территории, идентифицируемой как «своя», только на исторически сформировавшейся «старой» территории определяются или совпадают с ее общепринятыми и устоявшимися границами (микрорайон «Расточка» – рис. 9).

Во всех остальных случаях они в большей или меньшей степени определяются личным опытом и предпочтениями участников. Характер границ поддерживается и вообразимостью территории. Ее структурными основаниями на всех картах являются дороги, задающие рамки или ограничивающие «пространство жизни». Однако если сравнить карты между собой, то информационная плотность, как, впрочем, и наличие иконических образов (широко известных и признаваемых всеми объектов – А. Лефевр), характерна также только для карты старого района (рис. 9).

Вместе с тем в сконструированном участниками сессии картирования образе сообщества старого микрорайона фактически отсутствуют как жители новых многоэтажек, так и инокультурные группы приезжих, число которых здесь стремительно увеличивается. Следы их присутствия появились на карте после прямых вопросов модератора. Все сегодняшние «невидимые незнакомцы» с правом на территорию в перспективе могут стать для его коренных жителей «чужими», особенно в си-

туации манифестирования о своем присутствии через новые нормы и правила, инфраструктурные изменения. Тем не менее в настоящее

Рис. 9. Микрорайон «Расточка». Пространство старого обжитого места. На фотографии типовой вход во двор жилого дома «Расточки». На карте отмечены жирными окружностями два иконических образа микрорайона – ДК Ефремова и завод Ефремова

время стилевое единство места, насыщенного уникальными, хотя и разрушающимися объектами и отчасти сохраняющегося только в представлениях его коренных жителей, отражает вообразимость места («*это был сказочный городок*»). Одним их его источников является наличие у участников сессии картирования большого опыта места. Их длительное активное социальное участие позволяет вопреки сложившимся мифам о «бандитском» районе воспринимать его позитивно, переписывая социально негативную действительность позитивными красками хозяев / собственников территории («*не совсем благополучный контингент*», «*опасно по границам, получается, а в самой Расточке не опасно*»), что сохраняет большее ощущение безопасности. Однако даже при наличии типичной для новосибирцев тревожной эмоциональной реакции на инокультурность, участники демонстрируют, с одной стороны, отдельные уникальные практики устойчивого взаимодействия с приезжими, которые отсутствуют в новых районах, но, с другой стороны, живут параллельно с ними. Существенный вклад в наличие «межкультурного мира» вносит обширность территории и удобство ее организации, что сущест-

венно увеличивает пространственную дистанцию между группами и позволяет отодвинуть или снять множество повседневных конфликтов.

В отличие от старого микрорайона, в «новом» микрорайоне МЖК архитектурные «иконы» либо отсутствуют, либо отчасти подменяются природными. Дискурсивно об этом свидетельствуют ценность для жителей незначительных природных объектов, а также стремление к участию в строительстве и реконструкции скверов. Несмотря на плотность застройки, существенно превосходящей «Расточку», значимые для жителей объекты концентрируются вдоль магистральных путей, делая пространство в стороне от них пустым и слабо освоенным (рис. 10). В этом случае ограниченность места обусловливает большую интенсивность контактов, которые происходят на магистралях и во дворах – на детских и спортивных площадках.

Рис. 10. Микрорайон МЖК. Пространство «нового» места

Несмотря на многоэтничный состав населения, основным маркером благополучия межкультурных взаимодействий для «местных русских» являются отношения с киргизами и, несмотря на незначительное число, с казахами. Другие выходцы из Средней Азии остаются для жителей «невидимыми незнакомцами». Косвенным признаком позитивных перспектив межэтнического взаимодействия служит совпадение отмечаемых на картах «местных русских» и «местных киргизов» ресурсов (меньше), рисков и угроз (больше), которые имеются на территории. Это свидетельствует об относительной конгруэнтности образов. Вместе

с тем карта местных жителей – киргизов (см. рис. 9) – демонстрирует существенно бóльшие границы освоенного пространства, чем карта, подготовленная местными «русскими».

Рис. 11. Микрорайон МЖК. Пространство жизни киргизского сообщества

Одна из очевидных причин этого – широта проживания привлеченных для картирования представителей киргизской диаспоры. Обращает на себя внимание и другое обстоятельство, связанное с потребностями в ресурсах. Основные объекты, отмеченные на карте (школы), – наиболее значимый ресурс для этнической группы, ориентированной на проживание в городе (рис. 11). Расположение школ на карте отмечено жирными окружностями. Их значимость и иконичность столь высока, что все участники картирования были способны прокомментировать достоинства и возможности получения качественного образования в каждой из них. Подобная ситуация наблюдается и на карте, изображенной представителями диаспоры езидов (рис. 12). Но в данном случае речь идет об иконичности в глазах диаспоры стадионов при школах как ресурсе, отвечающем культурным ценностям и интересам этнической группы.

Рис.12. Район улиц Жуковского и Ереванской. Пространство проживания езидов. Жирными окружностями выделены стадионы, отмеченные езидами разного возраста

Обе карты показывают низкую информационную плотность образа территории, задаваемого преимущественно путями и значимыми для сообщества общинно-корпоратвного типа объектами. Это свидетельствует о слабой социальной освоенности территории и сообщества, незначительном опыте места, который не может стать полноценным вне взаимодействия в сообществе. Однако целесообразно обратить внимание на еще один фактор, влияющий на полноту конструируемого образа. Речь идет о способности группы согласовать его между собой. Определенные сложности в этом отношении были у этнокультурных групп. Их причины надо еще осмыслить, но возможно, что сказалось отсутствие опыта группового обсуждения города и сообщества в таком ключе. Как представляется, недостаток коммуникации и рационализации образа как раз и компенсируется проявлением групповости в транслируемых интересах и ценностях.

Вместе с тем важно понимать, что указанные на карте объекты представляют собой одновременно и точки вхождения этнокультурной группы в городское сообщество. Однако их явно недостаточно для интеграции в него либо для формирования чувства места. В этом плане новые карты способны будут показать, насколько активно и как далеко продвинулся этот процесс.

Таким образом, вообразимость места, наличие его образа как свойство физического объекта вызывать у наблюдателя устойчивый яркий образ является одной из значимых характеристик освоенного пространства. Однако его необходимо связывать не только с характером места, выступающего объектом анализа, но и со спецификой пользователя, его ценностными ориентирами, практическими интересами и предпочтениями, в частности, со степенью вовлеченности и характером освоенности им среды. В этом плане характер конструируемого образа дает значимую информацию не только о месте, но и о носителе образа, что открывает новые перспективы для подобных исследований. Анализ образа показывает, что важным источником его конструирования, как и конструирования связанных с ним чувства места и социально-территориальной идентичности, является опыт места, наличие возможности и практик освоения пространства как социального. Это подтверждает и обнаруженная зависимость между насыщенностью символами, плотностью смыслов, заложенных в образ пространства, и связанных с ними повседневными социальными практиками, активностью и взаимодействием в пределах пространства жизни, а также ощущением безопасности, что, в свою очередь, уменьшает неопределенность и страх «чужого».

§ 7. Опыт взаимодействия органов территориального общественного самоуправления с мигрантами

Трудовая миграция является важным фактором развития страны и особенно ее крупных городов, в том числе Новосибирска. Под влиянием миграционных процессов в городе происходит концентрация людей по этническому принципу, локализованная преимущественно в местах трудовой активности и проживания иноэтничных мигрантов. В Новосибирске отмечается более пятнадцати мест компактного проживания представителей этнических групп, наличие которых создает у местных жителей ощущение «этнической диспропорции», постепенного «захвата» их территорий «чужими»[1]. Это, в свою очередь, актуализирует работу государственных и муниципальных органов власти по гармонизации межэтнических отношений. Задача адаптации и интеграции приезжих

[1] *Мадюкова С. А., Персидская О. А.* Мигранты в социальном пространстве города // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 1.